

К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи

On the discourse-function issue of the participle constructions in the Russian chronicles

Anna Sakharova (Анна Вячеславовна Сахарова)

Published online: 5 January 2010
© Springer Science+Business Media B.V. 2009

Аннотация Статья излагает результаты исследования, посвященного параметрам выбора между финитными формами глагола и краткими причастиями в Новгородской первой летописи младшего извода. В статье сформулирован круг основных функций конструкции с кратким причастием каждого типа (настоящего и прошедшего времени в именительном и дательном падежах). Демонстрируется, что использование в летописи конструкций с причастиями во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности предикативной единицы (ее аспектуальной фоново-стью, прагматической презумптивностью, стереотипностью сочетания ситуаций). Но о полном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить нельзя. Для определенных глаголов причастные конструкции могли иметь особенные функции, однако появление некоторого количества причастных конструкций оказывается не мотивированным никакими прагматическими и вообще содержательными факторами.

Abstract The article expounds the results of an investigation dedicated to the parameters of the choice between finite verb forms and short participles in the Novgorod I chronicle (the younger recension). The article formulates a list of main functions of every type of short participle constructions (present and past tense participles in nominative and dative case constructions). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in most cases by discourse features typical of backgrounded predicative units (aspectual backgroundedness, pragmatic presupposition, stereotypical combination of situations). But there is no full correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundedness of the predicative unit. For some verbs participle constructions could have special functions, but the appearance of some participle constructions is found to be not motivated by any pragmatic and substantial factors at all.

A. Sakharova (✉)
Moscow, Russia
e-mail: nenen@mail.ru

1 Введение

Восточнославянские краткие причастия в ранний период истории русского языка пошли по пути (в старославянском языке только намеренному) изменения своих синтаксических функций от подчиненности имени к подчиненности финитному глаголу; при этом они теряли склонение, а позднее и согласование по роду. Поэтому данные формы терминологически некорректно называть причастиями: они уже в раннедревнерусский период почти не употреблялись в качестве атрибутов (Зализняк 2004, 134, 184–185). В оригинальных древнерусских книжных текстах краткое причастие использовалось в основном в обстоятельственных оборотах: в обороте, оформленном именительным падежом, и в дательном самостоятельном (Борковский и Кузнецов 1965, 350 и сл., 445 и сл.); также презентное причастие (*и*-причастие) употреблялось в составе редкой и специфически книжной аналитической конструкции с глаголом-связкой (Борковский и Кузнецов 1965, 344 и сл.). Корректнее было бы говорить о согласуемых деепричастиях и деепричастных оборотах, но в русистике сложилась традиция применять термины ‘краткое причастие’ и ‘причастный оборот’ именно потому, что данные формы некоторое время еще сохраняли согласование (Борковский и Кузнецов 1965, 355; Лопатина 1978, 117 и др.).

Причастные и финитные конструкции могли употребляться в одинаковых по формально-синтаксическим параметрам контекстах. В этой связи встает задача определить, что обуславливало выбор между причастием и личным глаголом. Этот выбор представляет собой один из элементов нарративной стратегии древнерусского книжника. Обычно самым общим образом указывается, что нефинитные глагольные формы употребляются для оформления предикаций заднего плана или обозначения ‘сопроводительного действия’ (ср. такую трактовку старославянских причастных оборотов в Večerka 1961, 118). Поэтому они могли именоваться ‘второстепенными сказуемыми’.¹ Смысл этого наименования состоит в том, что предикации подобного рода, хотя и похожи на глагол (сказуемые), но имеют меньшую важность с точки зрения организации дискурса (второстепенны), см. Истрина (1923–1926), Борковский (1949), Борковский и Кузнецов (1965), Георгиева (1968), Стеценко (1972), Лопатина (1978), Кузьмина и Немченко (1982).

Устанавливая, чем же функции причастных конструкций отличаются от функций личных глаголов, нельзя ограничиваться отдельными примерами—необходим сплошной анализ конкретного текста, при котором сопоставлялись бы финитные и причастные конструкции. В настоящей работе рассмотрено, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой летописи по Комиссионному списку. Выясняется, как в контекстах переднего и заднего плана употребляются предикативные единицы (личные формы, обороты с *и*- и *и*-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). В результате можно получить набор дискурсивных контекстов, типичных для каждой из анализируемых конструкций.

Контексты, в которых употребляются предикативные единицы, могут характеризоваться различными значениями дискурсивных параметров, связываемых с их новостью, второстепенностью.² В дискурсе одна информация в большей степени

¹Первым здесь был А. А. Потебня (1958).

²Синтаксические ограничения на употребление кратких причастий, как известно, в летописном языке оказались размытыми. Стали возможны такие употребления кратких причастий именительного

соответствует глобальной риторической цели говорящего/пишущего, а другая— в меньшей, а для выражения этой менее важной информации и служат подчиненные предикативные единицы (Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985, 1986; Matthiesen and Thompson 1988; Tomlin et al. 1997). Цель нарратива—рассказать об определенных изменениях в описываемой действительности, причем в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события; в этой цепочке характер следующего события в той или иной степени обусловлен обстоятельствами предыдущего (Hopper 1979; Dry 1981, 1983; Fleischman 1985). В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые—аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (или иным образом хронологически на них накладывающиеся) и вообще обозначающие незавершенные ситуации, относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой прагматические презумпции, см. Падучева (2001, 57–60; 1996, 235), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось (Longacre 1983, 13–15; Givón 1984, 251). Все те предикации, которые не удовлетворяют сформулированным выше условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке, даже в том случае, если они являются синтаксически подчиненными (Dry 1981, 1983).³

Существует и иной дополнительный критерий того, какую информацию считать менее соответствующей риторической цели: переднеплановость может пониматься как неожиданность, нестереотипность ситуации и становиться, таким образом, прагматической характеристикой предикативной единицы, обозначающей эту ситуацию (Polanyi and Hopper 1981; см. также Fleischman 1985). Информация, необходимая для понимания текста, извлекается слушающим/читающим из его знаний о намерениях и действиях людей и о связях между явлениями окружающего мира. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной прагматически, оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций.

Классифицируя по этим критериям второстепенности предикативные единицы исследуемого текста, мы сталкиваемся с определенными трудностями в обобщении результатов. Для некоторых предикаций не ясно, принадлежат или не принадлежат они нарративной последовательности; так, некоторые глаголы (прежде всего—обозначающие нефизические действия: *видѣти*, *хотѣти*, *речи*) могут описывать ситуации одновременные другим, но при этом входящие в причинно-следственные цепочки. Критерий прагматической невыделенности (стереотипного сочетания ситуа-

падежа, для которых не обнаруживалось никакого вершинного финитного глагола с тем же подлежащим. Обороты таких типов и получили название именительных самостоятельных (Борковский и Кузнецов 1965). Подлежащее же конструкции в дательном падеже могло быть как совпадающим, так и не совпадающим с подлежащим главной предикации (Белоруссов 1899; Сабенина 1978; Борковский и Кузнецов 1965; Worth 1994; Corin 1995). Фактически вместо четких синтаксических ограничений в летописном языке существовали скорее факторы синтаксического плана, способствующие тому, чтобы предикация была оформлена финитно. Поэтому контексты, в которых употребляются предикации, также характеризуются различными значениями синтаксических параметров, которые в том случае, если предикация окажется причастной, определяют, будет ли этот причастный оборот самостоятельным или нет.

³Иногда считают, что у предикации нарративной последовательности должна быть еще одна характеристика: события должны быть отражены иконически, без инверсий. Однако инверсия, нарушение порядка повествования, сама есть средство выражения, а не содержательная характеристика контекста.

ций) действует по-разному в отношении разных глаголов. Можно сказать, что выбор способа оформления предикации зависит и от чисто лексического контекста. Поэтому лучшим способом организации исследования представляется полексемный, когда для каждого из анализируемых глаголов по очереди рассматриваются все контексты и подсчитывается, сколько раз в данном контексте употреблена каждая из конструкций. Для некоторых глаголов выявляются определенные закономерности выбора между причастной и финитной конструкциями, не связанные с дискурсивной второстепенностью; они также фиксируются.

Всего анализируется употребление 50 глагольных лексем. Это наиболее частые в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (НПЛ) глаголы, для которых статистические данные оказываются достаточно показательными. Сюда входят глаголы, могущие обозначать положение в пространстве (*быти, сѣдѣти, стояти*), глаголы, обозначающие переход в эти положения (*сѣсти, стати, вѣсѣсти, вѣстати*), каузативы от этих глаголов (*оставити, посадити*), глаголы движения (*ити, ѣхати*), глаголы, обозначающие начало движения (*поити, поѣхати*) и достижение цели движения (*прити, приѣхати*), каузативы глаголов движения (*посѣлати, присѣлати*), глаголы восприятия (*видѣти, слышати, увѣдати*), вербальные глаголы (*речи, глаголати, просити*), глаголы, обозначающие начало обладания (*яти, изимати, възяти, пояти, прияти*) и некоторые другие. Описан также ряд редко употребляемых глаголов, демонстрирующих явную привязку к той или иной причастной конструкции.

Само исследование, таким образом, состояло из перечисления всех возможных для рассматриваемого глагола контекстов, характеризующихся разными значениями дискурсивных и синтаксических параметров, и соответствующих подсчетов соотношения употребляемых конструкций (финитная форма, оборот с *щ-* или *ш-*причастием в именительном либо в дательном падежах; для краткости в тех случаях, когда используется оборот с *щ-* или *ш-*причастием в именительном падеже, будем просто говорить, что используется *щ-* или *ш-*причастие). Примеры таких перечислений для отдельных глаголов встречаются в статьях Сахаровой (2005, 2007а, 2007б). Данная работа представляет те результаты этого исследования, которые касаются круга функций вышеперечисленных причастных конструкций: для исследованных глагольных лексем перечисляются те контексты, в которых каждая конструкция употребляется (обязательно или хотя бы варьируясь с другими средствами).⁴

Как уже говорилось, материалом настоящего исследования послужил Комиссионный список НПЛ младшего извода (по изданию Насонова 1950). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и тем самым лучше приспособлен для статистического анализа.⁵

⁴Отдельные специфические употребления причастий, которые вообще не встречаются ни в нарративе, ни в прямой речи рассматривать не будем.

⁵Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании нас интересоваться не будет. Не исследуются также расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще другими редакциями вошедших в состав НПЛ текстов). Анализ этих расхождений мог бы дать интересный дополнительный материал, но эту задачу целесообразно ставить после того, как установлены основные закономерности употребления причастий в отдельно взятом тексте. Расхождения указывались лишь в тех редких случаях, где они затрагивают не просто синтаксическое оформление, но и смысл рассматриваемых примеров.

2оборот, оформленный именительным падежом

(А) Конструкция с *и*-причастием

В нарративе *и*-причастия не очень часты, что закономерно, так как они не обозначают законченных событий; для некоторых глаголов примеров в исследованном тексте оказалось совсем мало, но все же общего количества этих конструкций достаточно для того, чтобы делать выводы о типичных для них дискурсивных функциях.

Наиболее характерным для *и*-причастий является такой контекст, где ими оформляется фоновая по аспектуальному критерию предикация, а глагол-вершина главного предложения принадлежит нарративной последовательности; для данного контекста существенно, что обозначаемая причастной предикацией ситуация не связана ожидаемым образом с другими ситуациями и не находится с ними в причинно-следственных отношениях. Употребление *и*-причастия в таких случаях обязательно (примеров с финитным глаголом нет). В рассматриваемом контексте употребляются глаголы разных семантических групп: *быти* в значении, переходном между 'находиться' и 'являться', *сѣдѣти* 'пребывать в сидячей позе', *стояти* 'пребывать в стоячей позе', *ити* (в том числе и в значении 'собираться идти'), *ѣхати* (в том числе и в значении 'собираться ехать'), *копити*, *видѣти*, *глаголати*, как, например, в (1)–(3):

- (1) И заутра Олга, *сѣдѣици в теремѣ*, посла по гости. И приидоша к нимъ, глаголюще: «зоветь вы Олга [...]». (6453, 111)⁶
- (2) Тои осени выиха из Новагорода князь Василии Юрьевичъ и много пограби, *ѣдуци по Мьстѣ и по Бѣжичкому верху и по Заволочью*, и много зла бысть от него. (6942, 417)
- (3) Тогда Михаилъ снемъ коць свои, верже къ нимъ, *глаголя имъ*: «примете славу свѣта сего, аще ся вам его хошетъ». (6753, 302)

Оборот с *и*-причастием употребляется и при личных глаголах-вершинах, не принадлежащих нарративной последовательности, а обозначающих длящуюся ситуацию, параллельную ситуации, описываемой причастием. Такие сочетания нужны для развернутого описания фона, поэтому в летописном нарративе они редки; отметим также, что в таком контексте встречаются лишь *и*-причастия от некоторых глаголов. Всегда, без вариативности, причастно оформленными оказываются глаголы *стояти*, *просити*, *речи*, *глаголати*, *горѣти*, *копити*, *ссылатися*, как, например, в (4)–(6):

- (4) [...] и стояху инъ до шии, друзии же до персии, младыя же от берега, друзии же младенци держаше, свершении же бродяху; попове же *стояще*, молитвы творяху. (6496, 156–157)
- (5) Тако баше великъ и лют пожаръ, с бурею и с вихромъ, яко мнѣти уже кончина, по водѣ огонь *горя* хожаше и много людии истопи на Волховѣ. (6848, 351)
- (6) Тои же веснѣ ѣздиша новгородци с посадникомъ Федоромъ в Неву, и стояша под Орѣховымъ, *ссылающеся послы с воеводою нѣмечкымъ съ Стѣнемъ*, и не бысть миру [...]. (6846, 348)

⁶Цифры перед запятой указывают на год, цифры после запятой дают ссылку на страницу в НПЛ.

Другим глаголам в таком контексте причастное оформление, наоборот, оказывается несвойственно. Так, для глаголов *хотѣти* и *видѣти* причастное оформление является знаком прагматической невыделенности предикации (см. ниже), и поэтому в рассматриваемом контексте они оформляются финитно. Всегда бывают финитными и глаголы *ити*, *сѣдѣти* и *стояти* в локативном значении, хотя не ясно, действием какого фактора это объясняется.⁷

Вероятно, для *иц*-причастий всех глаголов возможно употребление в таком контексте (впрочем, весьма редком), где обозначаемая причастной формой ситуация, не выходя за хронологические рамки ситуации, обозначенной личным глаголом, только поясняет способ ее осуществления. Такого рода предикации тоже можно считать фоновыми по аспектуальному критерию, как в (7) и (8):

- (7) А Олга же поимши мало дружины и *легко идущи*, прииде къ гробу его, и плакая по мужи своем плачемъ велиимъ зѣло. (6453, 112)
- (8) [...] идоша в Торъжокъ новгородци блюсти Торъжку, и совокупиша всю землю противу, *съсылающихся послы*, и розѣхашася разно, доконцавше миръ || до приизда князен. (6812, 332)

Перейдем теперь к некоторым лексически ограниченным дискурсивным употреблением *иц*-причастия. *Иц*-причастия от глаголов, не обозначающих физических действий или состояний, могут описывать ситуации, одновременные с другими и при этом находящиеся с ними в причинно-следственных связях. Предикации с такими причастиями могут трактоваться и как фоновые, и как принадлежащие нарративной последовательности.

Так может обстоять дело для *иц*-причастий вербальных глаголов *глаголати*, *речи* (а также менее употребительного *просити*). Для них возможно такое употребление, когда ситуация, обозначенная вершинными глаголами *прити/поити* и их синонимами, является предпосылкой ситуации, описываемой вербальным глаголом. *Глаголати* и *просити* в этом случае обязательно оформляются *иц*-причастием, *речи*—не обязательно, см. (9)–(11):

- (9) [...] и въздвиже на Арсѣνια, мужа кротка и смирена, крамолу велику, простую чадь. И створше вѣче на княжи дворѣ, и поидоша на владыченъ дворѣ, *глаголюще сице*: «того ради стоит тепло долго [...]». (6736, 272)
- (10) «се приходиша ко мнѣ Болгаре, *ркуще*: прими законъ нашъ [...]». (6495, 148)
- (11) В се же время приидоша людие новгородстѣи, || *просяще князя себѣ*: «аще не поидет к нам, то мы налѣземъ собѣ князя». (6478, 121)

Для *иц*-причастий вербальных глаголов также характерен такой контекст, когда вводимая ими прямая речь субъекта объясняет его действия (описываемые глаголом-вершиной, принадлежащим нарративной последовательности; причастие здесь

⁷Это распределение фоновых предикаций на причастные и финитные действует не всегда, а лишь в тех случаях, когда нет других факторов, влияющих на способ оформления предикации. Так, глагол *стояти* в рассматриваемом контексте обычно оформляется причастием (см. выше), но есть и финитный пример, где причастное оформление выбрано для другой фоновой предикации (*внимаючи учению*), которая представляет собой отсылку к уже сообщенному:

(i) И заповѣда еи о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же [княгиня Ольга], поклонивши главу, *стояше, аky губа напаяема*, внимаючи учению [...]. (6463, 114)

употребляется обязательно, для глагола *речи* возможно и *ш*-причастие), см. (12) и (13):

- (12) [...] а владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, *глаголя*: «не достоить ти ея поняти». (6644, 209)
- (13) Посем же видѣвше новоторжци, даждь не прибудет из Новаграда рати, вѣсташа чернь на боярь, *а ркуще*: «почто есте новгородцовъ призвалѣ [...]». (6848, 353)

Причастную предикацию в данных случаях нельзя однозначно назвать фоновой и считать полностью мотивированной дискурсивным фактором.

Ш-причастия глаголов *хотѣти*, *видѣти* и *слышати* могут использоваться для оформления предикаций, которые можно трактовать и как фоновые по аспектуальному критерию, и как принадлежащие нарративной последовательности. В таком контексте описываемая ситуация является причиной или хотя бы предпосылкой следующей, к тому же обе эти ситуации сочетаются ожидаемым образом,—но это значит, напомним, что причастная предикация оказывается прагматически невыделенной относительно своей вершины. Так, в контексте, где главная предикация (принадлежащая нарративной последовательности) обозначает реализацию субъектом его намерения, как правило, употребляется *ш*-причастие глагола *хотѣти*, как, например, в (14):

- (14) [...] вложи богъ въ сердце князю Литовскому Наримонту, нареченому въ крещении Глѣбу, сыну великого князя Литовскаго Гедимина, || и присла в Новъград, *хотя поклонитися святѣи Софѣи*; и послаша новгородци по него [...]. (6841, 345)

Таковы также употребления *ш*-причастий глагола *видѣти* в таких контекстах, где главная предикация (принадлежащая нарративной последовательности) обозначает реакцию субъекта на воспринятое (так как в этом случае для ситуации восприятия нет четкой дифференциации между законченностью и длительностью, возможно употребление и *ш*-причастия и финитных форм), см. (15):

- (15) Князь же великий, *видя многое множество безбожных Татаръ*, и не ста противу имъ || и поиха на Кострому и съ княгинею и с дѣтмѣ [...]. (6890, 378)

Если же эта вершинная предикация, с которой *хотѣти* или *видѣти* связаны ожидаемым образом, сама является фоновой по аспектуальному критерию, данные глаголы все равно чаще всего оформляются *ш*-причастиями, как, например, в (16) и (17):

- (16) Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимирю [...] от множества же народа изыгнѣтахуса, *хотяще прикоснутися честнѣмъ одрѣ тѣла его*. (6759, 306)
- (17) [...] и взяша миръ по старинѣ, мѣсяца июня въ 18 день, на память святого мученика Лентѣя, занеже не бѣше миру по 4 годы, и бысть крестияномъ радость и веселье, а диаволь, *видя крестияномъ добро*, плакашеся, *видя себе побѣждаема* [...]. (6905, 388–389)⁸

⁸В таком контексте причастия глаголов восприятия употребляются даже тогда, когда предикация является определительной и вводится союзным словом:

- (ii) [...] друзии же мох ядыху и ушь, сосну, кору липову и листь, илемъ, кто что како замысливъ; а инии паки злѣи чловѣци добрых людии почаша дома зажигати, *гдѣ слышаще рожь и всякое обилье*, и тако грабяше имѣния их. (6738, 279)

В таком контексте *иц*-причастия глаголов восприятия употребляются обязательно даже тогда, когда реакция субъекта на увиденное является незакономерной, странной, см. (18):

- (18) [...] и се паки поиде к нимъ к лѣсу. Они же стаща, исполцившесея, противу; а Яневѣ же идущу с топорцемъ, и выступиша от нихъ трие мужи, и приидоша къ Яневѣ, и сие глаголюще ему: «*видя* идеши на смерть, не ходи». Оному же повелѣвшю бити я, къ прочимъ поиде. (6579, 192–193)

В некоторых случаях предикации с *иц*-причастиями нельзя назвать фоновыми по аспектуальному критерию. Так, причастия глаголов *речи* и *глаголати* (а также *просити*) употребляются как маркеры ввода прямой речи при других глаголах с вербальным значением (т.е. причастная предикация обозначает фактически ту же ситуацию, что и вершинный глагол), см. (19)–(21):

- (19) Сия же Ольга, по внегда пришедши ей уже в Киевѣ, и якоже о ней въпред рекохомъ, посла же к ней царь Чемьскый, *глаголя сие*, яко «много одарихъ ты; ты бо ми рекла еси тако [...] многы дары пришлоу ти [...]». (6463, 115)
- (20) [...] новгородци же послаша по Дмитриа Александровича; Дмитрии же отречеся, *ркуще им*: «не хочу взяти стола перед строемъ своимъ». (6778, 320)
- (21) Ко князю же Ивану послаша Селивестра Волошевича и Феодора Оврамова с выходом. Князь же присла послы свои, *прося другого выхода*: «а еще дайте ми запросъ цесаревъ; чого у мене цесарь запрошалъ» [...]. (6847, 350)

Для *глаголати* и *просити* в таком контексте используется исключительно *иц*-причастие, для *речи* возможно и другое оформление. Для прочих глаголов к такому контексту, где причастие обозначает ту же ситуацию, что и вершинный глагол, можно отнести лишь пример, где причастная предикация употреблена с отрицанием, как, в (22):

- (22) И яко быша въ дверехъ, и абие ста рака, *не идущи*; и повелѣша народомъ звати: «господи, помилуй» [...]. (6580, 197)

Таким образом, почти во всех случаях, кроме тех, когда две предикации обозначают одно и то же вербальное действие, основной функцией конструкции с *иц*-причастием оказывается маркирование фоновых по аспектуальному критерию предикаций; если же при этом для глагола возможны как прагматически выделенные, так и невыделенные по отношению к следующей предикации контексты, то причастие используется в невыделенных.

(Б) Конструкция с *иц*-причастием

III-причастия, в отличие от *иц*-причастий, образуются абсолютно от всех глагольных лексем и для нарратива более частотны, поэтому в исследованном материале таких конструкций оказалось больше всего.

Оборотами с *иц*-причастиями часто маркируются предикации, не принадлежащие нарративной последовательности, а представляющие собой отсылки назад, т.е.

Употребление причастия в таком синтаксическом контексте (при относительном местоимении) распространено и в старославянском (Růžička 1963, 195 и сл.), однако данный пример не противоречит и анализируемой содержательной закономерности употреблений причастий глаголов восприятия.

прагматические презумпции. Причастные обороты такого типа, представляя собой тему высказывания, почти всегда препозитивны. В некоторых случаях эти презумптивные предикации просто повторяют информацию об определенном событии, см. (23)–(25):

- (23) [...] усѣкнуша главу его, тако сня, отвергыша главу его прочь [...]. *Бориса же убивши* оканнии и увертѣше в шатерь, возложыша на кола, везоша и еще дышюще. (6523, 171)
- (24) Цесарь нѣмечкый посла, к папѣ в Римъ, и тако увѣчаста, яко не воевати на Цесарьград, нъ яко же рече Исакович «всь град Костянтинъ хотять моего царства». Также *посадивъ его на престолѣ*, поидѣте же къ Иерусалиму в помощь; не восхотят ли его, а ведете опять ко мнѣ [...]. (6712, 241)
- (25) [...] и услыша шюмъ страшень по морю, и видѣ носадъ единъ гребушъ [...] *Видѣвшие* Пелгусии *такое видѣние и слышавши* *таковыи страшныи глас от святуу мученику*, стояше трепетень, дондеже носадъ отъиде от очию его. (6748, 292)

Однако таких примеров очень мало. Гораздо более характерны для летописи прагматические презумпции несколько иного типа—сообщения о конце процесса, о начале которого уже шла речь раньше. В большинстве случаев, хотя и не всегда, в таких контекстах используются именно *ш*-причастия глаголов процессуального значения, например в (26)–(29):

- (26) И отвѣщавши же Олга, и рече къ Соломѣру: «[...] тако пришедши, постоиши у мене в Почаинѣ, || якоже и азъ у тебе въ Съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». И *сиа пакы словеса глаголавши много*, и абие отпусти приходящая послове [...]. (6463, 115)
- (27) «[...] а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореву Володимиръ, а Вячеславу Смолнескъ». И *тако рекши*, раздѣли имъ грады; и заповѣда имъ не преступати брату въ предѣлъ братинъ, ни сгонити [...]. (6562, 182)
- (28) Приидоша иноплемьнници, глаголемѣи Татарове, на землю Рязаньскую, множество бещисла, акы пружи; и прѣвое *пришедше*, стаха о Нузлѣ, и взяша ю [...]. (6746, 286)
- (29) [...] поидоша на Свѣю, толко за три дни по сеи вѣсти, со княземъ Семеоном Олгердовичемъ. И *прихавши въ Свѣи||скую землю*, села их повоевавъ и пожгоша; а Свѣи много исѣкоша [...]. (6919, 402)

Для глаголов движения существуют и особые разновидности прагматических презумпций, в которых также употребляются *ш*-причастия, хотя и не так часто. Так, подобная фоновая предикация может содержать некоторую новую информацию—о конечном пункте движения, см. (30):

- (30) В сиа же времена прииде волхвъ, прѣльщенъ бѣсомъ; *пришед бо Киеву*, глаголаше, яко явилоса ми 5 богъ [...]. (6579, 191)

Также презумптивной фоновой предикации может предшествовать сообщение не о начале движения, а о том, что субъекта побуждали отправиться в путь, как, например, в (31)–(33):

- (31) Володимиръ же посади Добрыню в Новѣгородѣ, уя своего. И *пришед* Добрыня къ *Новугороду*, постави Перуна кумиръ над рѣкою Волховомъ [...]. (6488, 128)
- (32) Того же лѣта выиде князь великий Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовскою землею и поиде къ Тѣфѣри на князя Михаила. || И, приславъ Телебегу, и позва новгородцовъ; и они, *пришавше в Торжскъ*, и доконцаша съ княземъ Михайломъ, како не вступатися ни по одному [...]. (6826, 337–338)
- (33) [...] «избиите || младенца, сущая дву лѣт». Они же, *шедше*, избиша младенца. (6494, 145)

Перейдем теперь к контекстам, где причастные предикации принадлежат нарративной последовательности.

Большинство *ш*-причастий маркирует предикации, прагматически невыделенные относительно вершинных. Иными словами, причастное оформление возможно (или даже почти обязательно) тогда, когда описываемая ситуация связана со следующей (обозначающей вершинным глаголом) ожидаемым образом. Разумеется, такое употребление возможно для *ш*-причастий не всех глаголов, а только тех, для которых в силу их семантики (и хотя бы в одном из значений) возможны такие стереотипные сочетания, и сами смысловые типы этих сочетаний для разных глаголов различаются.

Так, поскольку сами *ш*-причастия стативных глаголов обозначают только законченные состояния, они могут использоваться только в сочетании с глаголом, который обозначает действие, кладущее конец этому состоянию; см. (34) и (35):

- (34) [...] множество бечислено || людии добрых помре тогда. Сиче же бысть знание тоя смерти: хракнуть кровью челоуѣкъ и *до треи день бывъ* да умрет. (6860, 363)
- (35) [...] ходи Ярослав на Черниговъ ратью [...] пожже Шернескъ; и *стоявъ под Мосаискомъ*, въспятися назадъ, истрати обилья много. (6739, 280)

Ш-причастия глагола восприятия *видѣти* употребляются в контексте, где вершинная предикация обозначает реакцию субъекта на увиденное, как в (36)–(38):

- (36) Князь же Иванъ, *слышавъ яко взят бысть Орѣховиць от Нѣмцовъ*, поиха из Новагорода взадъ, не принявъ владычня благословления и новгородчкого челобитья. (6856, 360)
- (37) [...] и тако изиде изъ Грѣчкой земли. И *увѣдавъ* цесарь, и посла искать его въ мнозѣхъ мѣстехъ [...]. (6712, 241)
- (38) И посылаху в Новѣгород ис Торжку, что быша новгородцѣ всѣли на конѣ || в Торжокъ; и не восхотѣша чернь. Посем же *видѣвши* новоторжци, *даждь не прибудет из Новаграда рати*, вѣсташа чернь на боярь, а ркуше: «почто есте новгородцовъ призвалъ [...]». (6848, 352–353)

Причастия *яти* и родственных ему глаголов используются тогда, когда вершинный глагол обозначает те действия, которые были затем совершены со взятым (т.е. когда вершинный глагол имеет то же самое прямое дополнение или когда речь идет об отъезде вместе со взятым или с достигнутым результатом); см. (39)–(42):

- (39) Учашу же ему въ церкви, || архиерѣи и книжници исполнишася зависти, и искаху убити и, и, *имше*, ведоша и къ игѣмону Пилату. (6494, 146)

- (40) Он же рече: «мьстите своих». Они же *поимше*, убиша я и повѣсиша их на дубѣ; отместие приимше от бога по правдѣ. А Яневъ идуши къ домовѣ своему [...]. (6579, 194)
- (41) Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его». Он же, *вземъ дары*, иде къ Святославу. (6479, 122)
- (42) [...] ходи князь Ярославъ с новгородци и со плесковици и с новоторжци и с ладожаны и со всею областью новгородчкою к Полотску, и устрѣгоша полочанѣ с поклономъ на озерѣ Касоплѣ; и *вземше миръ*, възвратишася в Новѣгород [...]. (6706, 238)

III-причастия глаголов *оставити* и *посадити* в значениях ‘оставить вместо себя’ и глаголов *сѣсти* и *въсѣсти* в значении ‘принять сидячую позу’ употребляются в тех случаях, когда вершинная предикация обозначает отъезд или вообще передвижение субъекта, как в (43)–(45):

- (43) [...] иде Ростиславъ из Новагорода в Киевъ на столъ, *оставивъ сына своего в Новѣгородѣ* [...]. (6662, 215)
- (44) И почаша ѣздити оканнии по улицамъ, пишуще дома крестияньския [...] и отъихаша оканнии, || *вземше число*, а князь Александръ послѣ поиха, *а сына своего Дмитриа посадивъ на столѣ*. (6767, 311)
- (45) То слышавъ Святославъ, *вборзѣ сѣдиши на коня съ дружиною своею*, прииде Киеву, и цѣлова мать свою и дѣти своя; съжалися || о бывшимъ от Печенѣгъ [...]. (6476, 119)

III-причастие глагола *доити* с отрицанием используется в контексте, где вершинная предикация сообщает об изменении планов идущих, см. (46):

- (46) Идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю [...]. Новгородци стаха, *не дошед Дмитрова 5-ю верѣстъ*, и стояша 5 днии близъ себе съсылающесе послы; и створиша миръ на всей волѣ [...]. (6791, 325)

Глагол *приняти* с прямым объектом *мнишьскыи чинъ* оформляется причастием (причем всегда инвертированным относительно главного глагола), если следующая ситуация обозначается глаголом *преставитися*, см. (47):

- (47) Преставися княгиня Ярославля, у монастыри святого Георгия *принявши мнишкии чинъ*; и абие ту положена бысть [...]. (6752, 298)

III-причастия глаголов *възрѣти* (при обстоятельстве *на небо*) и глагол *въздѣхнути* используются в контексте, где следующая ситуация—речь субъекта (чаще всего молитва), см. (48) и (49):

- (48) «[...] ис того вода || идет по трубѣ; копавъ, переими». Володимеръ же се слышавъ, *възрѣвъ на небо*, и рече: «аще ся се сбудет, имамъ ся крестити». (6496, 150)
- (49) Въ день бо Въздвижения Всеславъ, *въздѣхнувъ*, рече: «о кресте пресвятыи, понеже в тебе вѣровах, избави мя от рова сего». (6576, 190)

Глагол *утаитися* оформляется *ш*-причастием в контексте, где ситуация в (50) есть бегство субъекта:

- (50) На ту же зиму князь Всеволод побѣжа ночью изъ Новагорода, *утаився*, съ вѣсѣмъ дворомъ своимъ; новгородци же печални быша о томъ. (6730, 263)

Примеры последних типов, возможно, отличаются от предыдущих примеров на прагматическую невыделенность: у глаголов *възрѣти* и *утаитися* есть синонимы, но в описанных выше контекстах употребляются только эти лексемы.

Правило оформления *ш*-причастием предикации, прагматически невыделенной относительно следующей, выполняется стопроцентно для устойчивых сочетаний типа *прѣставися принявши мнишкии чинѣ, бѣжа утаився, възрѣвъ на небо / въздохнувъ рече*. В остальных случаях нередко возможны и личные формы. Предполагают, что условия для вариативности могло создавать, в том числе, сходство *ш*-причастий с претеритами: в единственном числе—с аористом (*слышавъ-слыша*), во множественном числе—с аористом и имперфектом единственного числа (*слышавше-слышаша-слышаше*), см. Алексеев (1987). К тому же можно предположить, что существовали и некоторые контексты, где прагматическая невыделенность предикации была не совсем очевидна и поэтому допускались оба способа оформления.

Существуют также некоторые *ш*-причастные конструкции, употребление которых не объясняется прямо прагматической невыделенностью, но все же обусловлено рядом прагматических закономерностей. Так, передвижение как ситуация не бывает связано ожидаемым образом ни с какой следующей ситуацией, но некоторые закономерности, связанные с употреблением причастия глагола *ити*, объясняются прагматически. Это *ш*-причастие может использоваться только тогда, когда цепочка глаголов, в которой оно находится, не завершается глаголами *прити* или *възвратитися*, т.е. когда предикация с этим глаголом не оказывается в некотором роде ключевой, как в (51) и (52):

- (51) Потом же, на зиму, *иде* князь Мьстиславъ с новгородци на чюдьскыи город, рекомыи Медвѣжию голову, села их потрати; и приидоша под город, и поклонишася Чюдъ князю, и дань на них взя; и *приидоша* вси здрави. (6720, 250)
- (52) [...] сойма ризу съ себе, обѣщася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишкаго не остана; скопи около себе вои отца своего приятели, помоляся кресту честному, *шедши на поганую Литву*, и побѣди их [...]. (6773, 314)

Ситуация движения, как правило, имеет со следующей ситуацией не только общее действующее лицо, но и других общих участников. В эту следующую ситуацию бывает вовлечен адресат движения или его конечный пункт. Возможно, этим и объясняется то, что *ш*-причастия глаголов движения могут появляться, и не так уж редко, в нарративной последовательности. Во всяком случае, только подобной содержательной закономерностью—общностью участников—можно объяснить употребление *ш*-причастий глаголов *прислѣлати* и *послѣлати* (не в значении 'обратиться') в контексте, где адресат присылки—участник следующей ситуации, см. (53) и (54):

- (53) И ркоша плесковици, *приславше Гричина*: «тобѣ, княже, кланяемся и братьи новгородцемъ; на путь не идемъ [...]». (6736, 271)
- (54) Посемъ же Володимиру живушу в законѣ крестьянствѣ, помысли создати церковь святыя Богородица; и *пославъ*, приведе мастера от Грикь. (6499, 165)

При этом *присълати* оформляется причастием обязательно, а *посълати*—гораздо реже, так как не обозначает обязательно успешного, результативного действия.⁹

Имеется еще небольшое количество *ш*-причастных конструкций, появление которых, вероятно, мотивировано дискурсивными факторами. Таковы примеры, где описываемая ситуация не находится со следующей ни в какой закономерной связи, но сам глагол употребляется с отрицанием. Иными словами, следующее действие было при этом реализовано без предшествующего результата (если бы предикация не имела отрицания, то, вероятно, была бы финитной). Таковы примеры на глаголы *видѣти*, *възяти*, *приняти* (*просьбу*), а также *послушати* в контексте, где перед этим просьба не излагалась, и на глагол *пустити*, обозначающий ситуацию, другим глаголом не обозначаемую; см. (55)–(56):

(55) Князь же Юрьи Володимирьскыи тогда посла Еремѣя в сторожѣх воеводоу, и сняя с Романомъ; и оступиша их Татарове у Коломнѣ, и бишася крѣпко, и прогониша их ко надолобомъ и ту убиша князя Романа и Еремѣя, и много ту паде съ княземъ и съ Еремѣемъ. Мосвици же побѣгоша, *ничегоже не видѣше*. Татарове же взяша град мѣсяца декабря въ 21 [...]. (6746, 287)

(56) И заступи богъ и святая Софѣя свои домъ, и отыдоша [литовцы], *города не взяли*. (6889, 378)

Такого рода причастные предикации оказываются всегда инвертированными относительно главных.

Этим исчерпывается набор *ш*-причастий, появление которых можно считать мотивированным прагматическими факторами. Перейдем теперь к закономерностям употребления причастий, которые подобными факторами не объясняются.

Так, когда *ш*-причастия глаголов *прити* и *приѣхати* используются в нарративе, то почти всегда вершинный глагол не является вербальным (если же за ситуацией движения следует вербальная, как правило, используется конструкция *приде глаголя*), как в (57) и (58):

⁹Для выводов о том, каковы закономерности выбора позиции причастной предикации относительно вершины в прагматически невыделенном контексте, материала не совсем достаточно: отдельные глаголы в данном контексте имеют всего по несколько причастных употреблений. Однако вкратце затронем и этот вопрос.

В препозиции, без инверсий, употребляются *ш*-причастия глаголов восприятия *слышати*, *увѣдати*, а также *видѣти*. Есть также ряд других глаголов, чьи *ш*-причастия в случае прагматической невыделенности употребляются только в препозиции (*стояти*; *посълати*; *яти*, *изымати* и *възяти* с объектом, совпадающим с объектом следующей ситуации; *въсѣсти*; *възрѣти*; *въздолхнути*), но многие из этих *ш*-причастий появляются в исследуемой летописи всего по несколько раз—возможно, если бы примеров было больше, картина была бы иной.

Как иконический порядок, так и инверсию допускают в прагматически невыделенном контексте причастия многих глаголов: *быти*; *сѣдѣти*; *присълати*; *посадити*; *утаитися*, *възяти* и *пояти* при следующей ситуации-движении; *доити* с отрицанием. Только в постпозиции употребляются *ш*-причастия глагола *оставити*, но употреблений этого *ш*-причастия всего несколько. Среди более частотных конструкций выделяется устойчивое сочетание *преставися приимъши иноческкии чинъ*, где причастие всегда постпозитивно, а финитных форм не бывает. Такого рода контексты по ряду параметров могут отличаться от тех, где постпозиции причастия не бывает. Предикации с глаголами *быти* и *сѣдѣти* часто описывают ситуации, длившиеся не один год и начавшиеся задолго до года, к которому отнесена ситуация, обозначаемая вершинной предикацией. Глаголы же *пояти*, *възяти* (с собой), *посадити*, *оставити*, *утаитися*, *присълати*, *приняти* (иноческкии чинъ), наоборот, обозначают ситуации, которые в случае прагматической невыделенности можно рассматривать почти как одновременные ситуациям, обозначаемым главными предикациями.

- (57) Того же лѣта *пришедши из моря* разбоиницѣ Нѣмцѣ в *Неву*, взяша села по обѣ сторонѣ рѣкѣ, за 5 версть до городка до Орѣшка. И князь Семеонъ с городцаны сугнавши, иных избиша, и иных разгониша, и языкъ в Новѣгород приведоша [...]. (6900, 385)
- (58) Тои же зимѣ тѣи же послове нѣмѣцкыи *прихавъше в Новѣгород*, и товары свои поимахут, и крестъ цѣловалѣ [...]. (6899, 384)

Однако употребление этих причастий с вербальным вершинным глаголом, хотя и крайне редко, но тоже допустимо.

Точно так же, как и в случае *иш*-причастий, ряд особых закономерностей употребления обнаруживают *иш*-причастия самих вербальных глаголов. *Иш*-причастием глагола *речи* может оформляться фоновая по аспектальному критерию предикация, которая вводит объяснение субъектом его действий, как, например, в (59):¹⁰

- (59) [...] и съгна отца съ престола, а самъ цесаремъ ста и *сице ему рекши*: «ты еси слѣпъ, како можеша царство держати, и азъ есмь цесарь». (6712, 242)

Причастие глагола *речи* нередко может обозначать фактически ту же ситуацию, что и вершинный глагол, вводя при этом прямую речь, см. (60) и (61):

- (60) Пострижесе въ скуму архиепископъ Моисии по своей воли, и много молиша и новгородци всѣмъ Новымгородомъ с поклономъ, дабы сѣлъ паки на своемъ престолѣ, и не послуша их, нѣ благослови, *сице рекши*: «изберите себѣ мужа [...]». (6838, 342)
- (61) Князь Витовтъ Литовскыи Кестутьевич присла в Новѣгород възметную грамоту, *рекъ тако*: «обеще|ствовалъ мя есте, что было вам за мене нятися [...]». (6907, 393)

В отдельных случаях *иш*-причастие этого глагола может использоваться даже тогда, когда предикация оказывается последней во фрагменте нарративной цепочки, относящемся к одному подлежащему, при отсутствии таких элементов контекста, как объяснений субъектом своих действий и одновременность ситуаций, как в (62):

- (62) И стрѣте их с Велѣ владычень волостель Исаи, *рекъ имъ тако*: «господе воеводы новгородчкыи, наихавъ, господе, князя великаго бояринъ Андрѣи с Ываном с Микитинымъ и съ двиняны на святѣи Софѣи волость на Вѣль в самъ великъ день, святѣи Софѣи волость повоеваша, а на головах окупъ поимаша [...]». (6906, 391)

Такого рода употребления *иш*-причастия, возможно, возникали в результате его переинтерпретации в качестве синтаксически универсального средства ввода прямой речи.

Для некоторых глаголов *иш*-причастия появляются тогда, когда эти глаголы употребляются только в определенном значении или описываемая ситуация имеет участников определенного типа, хотя примеров на такие контексты немного—по несколько на каждый.

Иш-причастие глагола *възяти* обязательно употребляется тогда, когда прямой объект глагола—оружие или крест, см. (63):

¹⁰В этом контексте одинаково возможно и *иш*-причастие, см. раздел 2 (А).

- (63) Глѣбъ же, *въземъ топоръ подъ скудъ*, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хошетъ быти, что ли вечеръ» [...]. Глѣбъ же, выимя топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людѣ разидошася. (6579, 196)

III-причастие глагола *приняти* обязательно употребляется во всех случаях, когда прямой объект предикации не является живым лицом, как в (64):

- (64) И рече Авраамъ: «искушу богы отца своего» [...]. И *приимъ* Авраамъ *огнь*, зажже кумиры въ храминѣ. Видѣ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, ревнуя по идолѣхъ, хотѣ вымыцати идолы; самъ сгорѣ ту [...]. (6494, 137)

III-причастие глагола *въстати* обязательно используется тогда, когда глагол имеет буквальное значение ‘подняться’, см. (65):

- (65) Нѣ въсприимъ псаломскую пѣснь, и рече: «суди, господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ». И скончавши || молитву, *и въставъ*, поклонися архиепископу. Епископъ же Спиридонъ благослови его [...]. (6748, 291)

III-причастие глагола *сѣдумати* почти всегда используется именно тогда, когда глагол употребляется без прямого дополнения и в значении ‘принять коллективное решение’ (15 примеров), см. (66):

- (66) [...] и приидоша плесковици и ладожанѣ Новугороду и выгониша князя Всеволода из города; и паки, *сѣдуваши*, въспятиша и опять Устьяхъ [...]. (6640, 207)

Некоторые малоупотребительные глаголы вообще в исследуемом тексте оформлены только *ш*-причастиями (*ѣхати* и *дождѣдаться*), см. (67)–(68):

- (67) Того же лѣта постави Титмановищъ отии городокъ на сеи сторонѣ Наровѣ; новгородци же, *ѣхавши*, пожгоша и, и село его великое взяша [...]. (6802, 328)
- (68) [...] нѣ иньи ркоша: «уже есть вельми к ноши, егда како смятемся и побиемся сами»; и тако стаха близъ противу себѣ, ожидающе свѣта. И тако оканнѣи преступници кресту, *не дождѣавши свѣта*, побѣгоша. (6776, 318)

Наконец, причастный оборот может изредка встречаться в таком контексте, где в остальных десятках примеров употребляются финитные формы. Некоторые глаголы, которые регулярно бывают оформлены причастиями только в определенных контекстах (*възяти*, *пояти*, *прислати*, *сѣдумати*, *доити*, *прियाи*), имеют одно-два причастных употребления и в прочих контекстах, нормальных для финитных форм. Встречаются также *ш*-причастия глаголов, которым причастное оформление в подавляющем большинстве случаев вообще не свойственно (*повелѣти*, *послати*, *стати*). Такие примеры весьма редки, но они показывают, что некоторая вариативность при выборе способа оформления предикации (*ш*-причастного или финитного) возможна почти всегда. Хотя большая часть употреблений *ш*-причастий обусловлена факторами дискурсивного плана (презуппозиционностью или прагматической невыделенностью предикации) или иными содержательными закономерностями, вероятность причастного оформления существует и тогда, когда никакие закономерности этому не способствуют. Возможно, это обусловлено тем, что у оборота с *ш*-причастием, в отличие от конструкции с *ш*-причастием, нет такой функции, которая могла бы выступать как основная, инвариантная, или была бы универсальной для причастий абсолютно всех глаголов.

Следует особо сказать и о тех конструкциях с причастиями в именительном падеже, которые нарушают традиционный церковнославянский синтаксис причастий. Таких конструкций в исследуемом тексте по сравнению с обычными совсем немного, поэтому на них не имеет смысла сосредотачиваться специально. Многие из этих конструкций употребляются в тех же по дискурсивным характеристикам контекстах, что и их синтаксически правильные аналоги. Вероятно, они появлялись в результате такой переинтерпретации причастных оборотов, когда книжники усваивали содержательные закономерности их употребления, но не следовали формально синтаксическим ограничениям на их употребление. Ср. конструкции традиционного типа и именительные самостоятельные с одними и теми же глаголами (69)–(74):

- (69) Тогда Михаилъ снемъ коць свои, верже къ нимъ, *глаголя имъ*: «примете славу свѣта сего, аще ся вам его хошетъ». (6753, 302)
- (70) И заповѣда еи о церковномъ уставѣ и молитвѣ и о постѣ, и о милостинѣ и о воздержании тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояще, акы губа напаяема, внимаючи учению; и поклонившися патриарху, *глаголюще*: «молитвами твоими съхранена буду [...]». (6463, 114)
- (71) [...] и позва вѣх новгородчовъ съ собою, и идоша с нимъ весь Новѣгород и Плесковъ, поимше съ собою владыку Давыда; и *пришедше на Волгу*, и докончаша съ княземъ Михайломъ миръ [...]. (6826, 338)
- (72) [царица] поиде чресь море. *Якоже пришедши къ Корсуню*, излѣзоша корсуняны из града, и приидоша на брегъ, и поклонишася цесарици [...]. (6496, 151)
- (73) И тогда, бѣжа Ростиславъ [...] изъ Новагорода, септября въ 1, *сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци* [...]. (6647, 211)
- (74) [...] и сѣдѣ на столѣ отнѣ; а в Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода. И *сѣдѣвъ Всеволод 20 лѣт*, и выгнаша и [...] пошлѣва его брат Изяславъ в Русь, а сына своего присла Ярослав. И *тѣ сѣдѣвъ лѣто*, и выгнаша его новгородци [...]. (6497, 161)

В исследуемом тексте было и несколько именительных самостоятельных, см., например, (75):

- (75) [...] и отступиша въ островъ далече, а Емь на брезѣ с полономъ: воевалѣ бо бяху около озера на исадѣх. Тои же ноши *просивше мира*, и не дасть имъ посадникъ с ладожаны [...]. (6736, 270)

Употребление этих именительных самостоятельных не мотивировалось никакими содержательными закономерностями. Но точно так же не объяснимы этими закономерностями и некоторые примеры на традиционный оборот, чьими аналогами и можно считать такие именительные самостоятельные.

3 Дательный самостоятельный

Сначала перечислим типы дискурсивных контекстов, в которых употребляются конструкции с субъектом, не совпадающим с подлежащим вершинного глагола, так как эти конструкции являются более традиционными с точки зрения синтаксиса и встречаются в нарративе с большей частотой. Затем обратимся к конструкциям с субъектом, совпадающим с подлежащим глагола-вершины.

3.1 Дательный самостоятельный с субъектом, не совпадающим с подлежащим вершинного глагола

(А) Конструкция с *и*-причастием

Почти все предикации такого типа являются фоновыми по аспектуальному критерию. При этом многие из них не оказываются второстепенными по иным дискурсивным параметрам. Таковы обороты с глаголами *быти* (в значении ‘находиться’, подлежащее стоит в единственном числе), *сѣдѣти* и *стояти* (в значении ‘пребывать в соответствующей позе’) и *ити*, см. (76)–(78):

- (76) В лѣто 6574. *Ростиславу сущю Тматороканю* и емлющу дань у Касогъ и у иных странъ, сего же убоявшеся Грѣци, послаша с лестию катопана. (6574, 185)
- (77) [...] сии же приидоша на княжъ дворѣ. *Изяславу сѣдѣицу на сѣнех с дружиною своею*, и начаша прѣтиса съ княземъ, стояще долѣ. Князю изо оконца зрящу и дружинѣ стоящи у князя, и рече Туки, брат Чюдинь, Изяславу: «видѣши, княже, людие возлилися суть; пошли соль, да блюдут Всеслава». (6576, 189)
- (78) [...] рекше ему: «прииди к намъ, яко не створим ти зла». Онъ же, надѣяся о цѣловании || креста, прихавши в лоды чресъ Днепръ. *Изяславу же в шатерьъ преди идущу, Всеславу по немъ идущу*, тако Всеслава яша на Рши у Смоленьска, преступивше крестъ. (6575, 186)

В исследованном материале все глаголы, обязательно оформляемые в подобном контексте дательным самостоятельным, обозначают физические действия или состояния.

Обязательно маркируются дательным самостоятельным с *и*-причастием фоновые по аспектуальному критерию предикации, являющиеся при этом также отсылками назад (имеются примеры на *ити*, *глаголати*, *хотѣти*), см. (79)–(81):

- (79) То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мьстислава къ Киеву. И пришед Мьстиславъ, исѣче, иже бѣша выскѣлѣ Всеслава, числомъ 70 чади; а другиа слѣпиша, иныя же безъ вины погуби, не испытавъ. *Изяславу же, идущу къ граду*, изидоша людье противу с поклономъ [...]. (6577, 191)
- (80) [...] рече Миханлу Федоръ: «слово отца своего духовнаго помниши ли, еже учаше нас от святого еуангалиа [...]». *Се же глаголющу Федору к Михаилу*, они же начаша и молити и прилѣжно, да послушають их. (6753, 301)
- (81) И рече Володимиръ: «требите путь и мосты мостите»; хотяшеть бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболѣся. В лѣто 6523. *Хотящю ити на Ярослава Володимиру*, Ярославъ же посла за море, приведе Варягы, бояся отца своего [...]. (6522–6523, 168)

Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов.

К фоновым отсылкам назад близка еще одна особая группа: частично лексикализованные дательные самостоятельные. Такие конструкции представляют собой указания на календарную дату и вообще на момент времени, встречающиеся в рассказе о событиях, происходивших с людьми. Употребляемые в них глаголы достаточно редки и в других контекстах не появляются: *свѣтати/освѣтати* (подлежащее—*день* или название дня недели), *всходити* (подлежащее—*солнце*), *исходити* (подлежащее—*лѣто*), например (82)–(84):

- (82) Заутра же, *солнцу въсходящу*, внидоша [крестоносцы] въ святую Софѣю, и одраша двери и расѣкоша [...]. (6712, 244)
- (83) Отѣяша новгородци посадничество у Андрѣа Климовича и даша Юрью Мишиничю, великое говѣние, *исходящу лѣту 8-му*. (6798, 326)
- (84) [...] и владыка Семеонъ, вшед въ церковь святыя Софѣя, съ иерѣи, съ крилошаны, *уже свитающую дни в понедѣльник*, и повелѣ молбенъ пѣти святѣи богородици за весь род крестианьскыи о преставлении гнѣва божиа. (6929, 413)

Дательный самостоятельный в таком контексте употребляется обязательно. В таком же контексте может использоваться и дательный самостоятельный глагола *быти* в значении 'иметь место' с подлежащим—единицей календаря (хотя такую конструкцию уже нельзя назвать лексикализованной), см. (85):

- (85) [...] и пришедше на Волгу, и доконцаша съ княземъ Михаиломъ миръ, како ити въ Орду обѣима, а брата Юрьева и княгину пустити. И приидоша новгородци вси в Новѣгород, *веснѣ сущи*; а князь Юрьи иде на Москву, оттолѣ въ-Рду. (6826, 338)

Все такого рода предикации, хотя и не являются прагматическими презумпциями, но тоже привязывают события, о которых идет речь, к известной читателю временной сетке.

В единичных случаях рассматриваемая конструкция может употребляться и в других контекстах. Так, фоновой по аспектуальному критерию можно считать вводимую подчинительным союзом предикацию, см. (86):

- (86) [...] таѣ святѣи богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то *яко тишинѣ сущи*, и абие буря вѣста и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брегъ, и во своя сы возвратишася. (6362, 105)

Однако в отличие от всех вышеперечисленных, подобная предикация синтаксически зависит от имени, а значит, не является обстоятельством.

В таком редком контексте с глаголом, где предикация с отрицанием обозначает не-реализованное желание, тоже употребляется дательный самостоятельный. Возможно, этот случай книжник хотел отличить от тех многочисленных употреблений данного глагола, где речь идет просто о намерении, затем реализуемом, см. (87):

- (87) По убиении отца своего, *не хотящу ему сего створити*, нѣ богу попушью на них, на поганую Литву, за крестияньскую кровь, вложи сему въ сердце, соимя ризу съ себе, обѣщася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишкаго не остана; скопи около себе вои отца своего приятели [...]. (6773, 314)

Но все же в подавляющем большинстве случаев рассматриваемая конструкция оказывается четко увязанной с рассматриваемыми дискурсивными факторами второстепенности.

(Б) Конструкция с *и*-причастием

Обороты такого типа могут иметь самые разные функции. В отдельных случаях дательные самостоятельные этого типа оказываются синтаксическими эквивалентами оборота с *и*-причастием в именительном падеже. Так, оборот с *и*-причастием глаго-

ла *сѣдѣти* может быть одним из вариантов оформления прагматически невыделенной предикации, см. (88):

- (88) Прииде от Чернигова къ Новугороду князь Ярополкъ Ярославичъ на вербь-нищу, мѣсяца марта; и *сѣдѣвши ему одну 6 мѣсяць*, и выгнаша его из Новогорода, и послаша опять по Ярослава с Новаго торгу в Володимирь, позвани Всеволодомъ. (6705, 236)

Конструкция с глаголом *прити* нередко может маркировать отсылки назад, см. (89):

- (89) [...] выиде князь великий Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тѣѣри на князя Михаила [...] *Князю же Юрью пришедию с полкы близъ Тѣѣри за 40 верстъ*, и ту выиде на нь Михаило князь со Тѣѣри [...]. (6826, 337–338)

К отсылкам назад можно отнести еще два дательных самостоятельных с глаголами движения, например (90)–(91):

- (90) [...] и посадиша его въ епископѣлѣ дворѣ; и послаша о немъ къ митрополиту, и митрополит паки прислаше по него съ великою честью. *Сие же оному пошедиши съ предними мужи*, и въсприаша его с любовию князь Святославъ и митрополит, и поставиша и декабря въ 10 [...]. (6701, 232)
- (91) Тои же зимѣ прииха в Новѣгород князь великий Иванъ Данилович, в четверток на мясопустной недѣли, мѣсяца февраля въ 16, на святого мученика Памфила. [...] Того же лѣта князь великий Иванъ хотѣ ити на Плесковъ с новгородци и со всею Низовьскою землею, и бысть ему по любви рѣчь с новгородци [...] Того же лѣта, *великому князю Ивану приихавишу в Торжокъ из Новогорода*, воеваша Литва Новоторжскую волость на миру; и пославъ князь великий, поже городкѣ Литовьскыи Осѣчень и Рясну [...]. (6842–6843, 346)

Пример (91)—отсылка не только к уже сообщенному (о том, что князь был в Новгороде), но и к знаниям о мире (обратный путь в Москву должен лежать через Торжок).

Только для глагола *быти* дательный самостоятельный с *и*-причастием может маркировать фоновые по аспектуальному критерию предикации, т.е. быть синонимом конструкции с *и*-причастием (подлежащее глагола *быти*—в единственном числе), см. (92):

- (92) Того же лѣта князь великий Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль; и *бывишу ему въ Еуфимьева монастыря*, и без вѣсти наидоша Тотарове, и бысть сѣча велика [...]. (6953, 426)

Точно так же, как и оборот с *и*-причастием, конструкция с *и*-причастием может указывать на период времени, календарную дату, с которой соотнесены происходившие события. Предикации этого типа, как уже было сказано, близки прагматическим презумпциям. Такие лексикализованные употребления характерны только для ряда редко употребляемых глаголов (*настати*, *приспѣти*), см. (93) и (94):

- (93) [...] в сии бо день *концѣвается* постъ 40, начинаемъ от прѣваго понедѣльника, *наставишу Федоровѣ недѣли*, *концается* в пяток Лазаревъ [...]. (6582, 200)
- (94) И прииде Святославъ к порогомъ, и не бѣ лѣзъ проити; и ста зимовати в Бѣлобережьи; и бѣ гладь великъ, по полугривнѣ голова конячья. *Веснѣ же приспѣвши*.

А се княжение Ярополче. В лѣто 6480. Поиде Святославъ в пороги [...]. (6479–6480, 124)¹¹

В других случаях эти глаголы вообще не употребляются. В контекстах этого же типа может употребляться и конструкция с глаголом *быти* в значении ‘иметь место’ с подлежащим—единицей календаря, как в (95)–(96):

(95) [...] прииде к Бѣлугороду Всеславъ, *бывши нощи*, и утаивъся княнь, бѣжа из Бѣлугорода Полотську. (6577, 190)

(96) [...] впаде в болѣзнь. Разболѣвъшю || бо ся ему днии пять, посемъ, *бывшю вечеру*, повелѣ изнести ся на дворъ [...]. (6582, 200)

Все остальные употребления дательного самостоятельного с *и*-причастием не удовлетворяют ни одному из рассматриваемых критериев второстепенности. Среди оборотов, не маркирующих второстепенные предикации, тоже могут быть лексикализованные, устойчивые конструкции. В исследуемом тексте такая конструкция одна—*Богу поущию*, см. (97):

(97) Того же лѣта и в Литвѣ бысть мятежь, *богу поущию на них гнѣвъ свои*: всташа сами на ся, убиша князя велика Миндовга свои сродници, свѣщавъшися отаи всѣх. (6771, 313)

Особую функцию мог иметь оборот с глаголом *речи*—вводить реплики в диалоге, как в (98):

(98) Единою же пиущю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопань: «княже, хощю на тя пити». *Оному же рекию*: «пии». Он же испивъ половину, а половину дасть князю пити [...]. (6574, 185–186)

Все три подобных оборота принадлежат соседним погодным статьям (и, вероятно, перу одного автора). В подавляющем большинстве случаев в таком контексте используются, естественно, финитные формы.

Среди предикаций, употребление которых не объясняется рассматриваемыми дискурсивными факторами, можно выделить те, где речь идет о явлениях природы, например (99)–(101):

(99) И повелѣ Олегъ воємъ своимъ колеса издѣлати и вѣставити корабля на колеса. *И бывшю покосну вѣтру*, и въспяша прѣ, и с поля идоша къ граду. (6430, 108)

(100) И *бывши единою скудости в Ростовѣи области*, вѣстаста два волѣхва от Ярославля [...]. (6579, 192)

(101) Тогда же померзшю озеру *и стояшю 3 дни*, и въздра угъ вѣтръ, и изломавши, внесе все въ Волхово [...]. (6736, 273)

Предикации такого рода так же, как и отсылки к календарю, по своей семантике (одновалентность глагола, неодушевленность субъекта, неконтролируемость ситуации) отличаются от окружающих их предикаций нарратива. Поэтому не исключено, что употребление дательного самостоятельного могло иногда увязываться с такого рода контекстами. Однако предположение о том, что дательный самостоятельный

¹¹ А се княжение Ярополче. В лѣто 6480—вставка позднейшего редактора (Гиппиус 2006).

мог иметь такую особую функцию, на имеющемся материале нельзя доказать: финитные формы в исследуемом тексте также нередко употребляются при описании явлений природы.

Некоторым ‘обратным’ аналогом подобных оборотов можно считать дательный самостоятельный с *прити*, имеющим одушевленное подлежащее в контексте рассказа о явлениях природы, см. (102):

- (102) В то же лѣто громъ бысть страшень зѣло и молния; *пришедшимъ съ кресты от святыхъ Софѣя къ святому Михаилу* и поющимъ 9 пѣснь, и шибе громъ и молния [...]. (6695, 229)

Вероятно, дательный самостоятельный мог использоваться и в других случаях, когда предикация имела некоторое сходство с отсылками к календарю, как в примере (103):

- (103) И посемъ взямше братья, и несоша его [Феодосия] в келию, и положиша на одрѣ. *И шестому дни наставию*, болну сушу вѣдому, прииде к нему Свято-славъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ. (6582, 201)

Для многих из исследованных глаголов появление дательных самостоятельных с *и*-причастием вообще не характерно.

В целом, данная конструкция встречается чаще, чем оборот с *и*-причастием (что естественно для нарратива), и функции ее могут быть разными: маркирование фоновых по аспектуальному критерию контекстов (только для стативного глагола), фоновых отсылок назад, прагматически менее выделенных предикаций. Для причастий некоторых глаголов характерно употребление в особых контекстах, не мотивируемое исследуемыми дискурсивными параметрами. Точно так же, как и в случае оборота с *и*-причастием в именительном падеже, некоторая вероятность употребления рассматриваемой конструкции есть для любого контекста, так как конструкция не связана с фоновыми, ‘второстепенными’ контекстами преимущественно одного конкретного типа.

3.2 Дательный самостоятельный с субъектом, совпадающим с подлежащим глагола-вершины

Данная конструкция, не характерная (точно так же, как традиционный дательный самостоятельный) для не книжного, более близкого к разговорному, стиля, не свойственна и стандартному церковнославянскому (точно так же, как именительный самостоятельный). Это значит, что ее появление в летописном языке не было результатом ни копирования образцового узуса, ни прямого влияния разговорного языка. Работал исключительно механизм переинтерпретации писцом грамматики образцовых текстов.

(А) Конструкция с *и*-причастием

Этот оборот почти не употребляется в контекстах, фоновых только по аспектуальному критерию (в таком случае используется оборот и с *и*-причастием).¹² Но исследуемая конструкция регулярно маркирует фоновые по аспектуальному критерию

¹²Причастные конструкции с глаголами, употребление которых не мотивировано дискурсивными факторами, бывают как препозитивными, так и постпозитивными (например, с глаголом *сѣдумати*). Всегда препозитивными являются конструкции с редко употребляемыми глаголами *стати*, *въстати*, *послѣати* не в вербальном значении, *ѣхати* и более частыми глаголами *ити*, *приѣхати* и *прити* (но для последнего есть одно исключение). Причастия этих глаголов движения, а также некоторых других, функционирующих в препозиции, в летописном тексте всегда одиночны, не имеют зависимых.

предикации, представляющие собой отсылки назад. Таковы обороты с глаголами *стояти* (в значении ‘пребывать в стоячей позе’), *ити*, *видѣти*, см. (104)–(106):

- (104) [...] бѣ нѣкто муж старѣшина в земли Ижерской, именемъ Пелгусии, поручена же бѣ ему стража морская [...] *Стоящу же ему при краи моря*, стрегущу обоу пути, и пребысть всю ночь въ бдѣнии [...]. (6748, 292)
- (105) Нъ сиа страшная казнь на нас бысть, понеже бо грѣховъ своих не каяхомся, а злая дѣла бес престани творяще, а видяще пред очима своима гнѣвъ божию [...] *Тоже намъ все видящим пред нашими очима*, нъ видящи се како бы намъ лучши быти, мы же пуши быхом: брат брату не съжаляшеться, ни отецъ сынови, ни мати дщери [...]. (6738, 279)
- (106) [Игорь] возмъ дань, поиде въ свои град. *Идущу же ему въспять*, размысливъ, рече дружинѣ свои: «идѣте с данью домовъ, а язъ возвращуся [...]». (6453, 110)

Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов. В отдельных редких случаях рассматриваемая конструкция может использоваться и в других контекстах. Для глагола *слышати* оборот с *иц*-причастием в дательном падеже появился в контексте, гораздо более типичном для *иш*-причастия в именительном падеже: он маркирует предикацию, прагматически невыделенную по отношению к следующей, см. (107):

- (107) *Егда же ему приближивишюся, и се слышащим ординьскым княземъ приход князя рускаго Александра грознаго*, повѣдаша цесареви; и се начаша его стрѣгати. (6754, 304)

Точно так же, как и другие причастные конструкции, дательный самостоятельный с *иц*-причастием может появиться и в контексте, не являющемся дискурсивно второстепенным и типичным для причастных оборотов, как, например, в (108):

- (108) И прииде с поклономъ съ князи Половечьскими къ зятю своему в Галиць ко Мьстиславу и ко всѣмъ княземъ рускимъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князеи русских, *и сице глаголющу ему тако*: «нашу землю суть днесь отняли, а вашу заутра пришедше возмут»; и молися Котьянъ зятю своему. (6732, 265)

В целом функции рассматриваемой конструкции совпадают с функциями традиционного дательного самостоятельного с *иц*-причастием. Имеющиеся исключения—конструкция не маркирует предикаций, фоновых только по аспектуальному критерию, и устойчивых, лексикализированных конструкций—вполне закономерны.

(Б) Конструкция с *иш*-причастием

Большинство подобных предикаций (так же, как и в случае оборота с *иц*-причастием) представляют собой отсылки назад. Таковы обороты с глаголами *ити*, *прити* (когда известно, что субъект отправился в путь или его побуждали отправиться), а также *речи* (отметки конца прямой речи), см. (105)–(112):

- (109) [...] волхвом же пришедшимъ пред цесаря, рече имъ цесарь: «еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу, то потомъ пред мя приведите его». *Оним же шедшимъ к Михаилу*, глаголюще ему: «цесарь Батыи зовет тя». (6753, 300)

- (110) И рече Святославъ: «введите их сѣмо»; и абие приведоша и. *Онѣмъ же слом пришедшимъ и пакы поклонившимся ему*, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «возмѣте, кому что будет». (6479, 122)
- (111) Увидѣвъ же се оканныи Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга приконьчать его. *Онѣма же пришедшима*, и видѣша, яко еще живу сушу ему, единъ ею извлекъ мечъ, пронзе и въ сердце. (6523, 171)¹³
- (112) И рече Яковецъ Савици: «брате, судит ти богъ и святая Софѣя, аще еси подумаль на кровь братыя своеи; и станеша с нами пред богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу». *И то ему рекъшю*, убиенъ бысть. (6701, 233)

Впрочем, употребление дательного самостоятельного в таком контексте не обязательно.

Для глагола *слышати* оборот с *и*-причастием в дательном падеже мог в редких случаях появляться в контексте, гораздо более типичном для *и*-причастия в именительном падеже—маркировать прагматически невыделенную предикацию, как в (113):

- (113) [...] «аще можеша противитися мнѣ, королевѣ, то се уже есмь здѣ и плѣню землю твою». *Князю же Александру слышавши словеса их*, разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь святыя Софѣя [...]. (6748, 291)

Точно так же, как и другие причастные обороты, данная конструкция в отдельных случаях могла употребляться и в контекстах, гораздо более характерных для финитных форм, см. (114) и (115):

- (114) [Князь Владимир] помысли создати церковь святыя Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикъ. *И начению же ему ставити*, и яко сконча церковь, и украси ю честными иконами, и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину; епископы корсуньскыя пристави служити в ней [...]. (6499, 165)
- (115) [...] убиша князя Олександра и сына его Федора в Ордѣ погании Татарове: призвалъ бо его бѣше цесарь Озбѣкъ с лѣстью, хотя и убити, тако рекъ: «хощеть тя цесарь жаловати»; *оному же послушавъшю поганого лѣстивых словесъ и пришедшю* и убиена бѣша [...]. (6847, 350)¹⁴

В этих случаях причастное оформление не объяснимо никакими из рассматриваемых содержательных закономерностей.

Таким образом, функции данной конструкции, основной из которых оказывается маркирование фоновых отсылок назад, совпадают с функциями традиционного дательного самостоятельного с *и*-причастием. Ею не оформляются устойчивые лексикализованные конструкции, но это исключение закономерно.

В целом разнообразные обороты с дательным самостоятельным, в отличие от причастных конструкций в именительном падеже, почти не маркируют прагматической невыделенности. Спорадически дательный самостоятельный появляется в контекстах,

¹³Субъект оборота здесь совпадает с субъектом следующего финитного глагола, хотя тот и не в двойственном числе.

¹⁴Правда, в последнем примере субъект оборота—*князь Олександръ*, а подлежащее следующего финитного глагола—*князь Олександра и сын его Федоръ*.

гораздо более типичных для других конструкций. Наиболее определенной функцией дательного самостоятельного, где он является регулярным средством выражения, оказывается только маркирование прагматических презумпций. Поэтому не удивительно, что закономерности его употребления могли сильно меняться: он мог переосмыслиться как синоним оборота в именительном падеже (как происходит, например, в Галицкой летописи, см. Сахарова 2005), или, наоборот, сфера его употребления могла сужаться до лексикализованных оборотов типа *солнцу восходящу*, *Богу поущишу* (Лопатина 1978).

4 Выводы

Таким образом, можно заключить, что использование в летописи конструкций с краткими причастиями действительно во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности. В данной работе мы описали основные закономерности этого распределения, выявляемые на материале Новгородской первой летописи младшего извода. Однако об однозначном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить нельзя. Степень детерминированности выбора различна для разных параметров: если фоновые по аспектуальному критерию предикации оформляются почти всегда конструкциями с *и*-причастием, то при прагматической невыделенности предикации употребление причастия не обязательно, а только возможно. Причастные обороты могли вообще появляться и в контекстах, которые нельзя назвать второстепенными. Существовали также устойчивые традиции описания определенных ситуаций с использованием причастной конструкции, которые не мотивируются дискурсивными факторами.

Литература

- Алексеев, А. А. (1987). Participium activi в русской летописи: особенности функционирования. *Russian Linguistics*, 11(2/3), 187–200.
- Белоруссов, И. М. (1899). Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности. *Русский филологический вестник*, 41, 71–146.
- Борковский, В. И. (1949). *Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение*. Львов.
- Борковский, В. И., & Кузнецов, П. С. (1965). *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Георгиева, В. Л. (1968). *История синтаксических явлений русского языка*. Москва.
- Гиппиус, А. А. (2006). Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). В А. М. Молдован & А. А. Плетнева (ред.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005)* (стр. 114–251). Москва.
- Зализняк, А. А. (2004). *Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом находок 1995–2003 гг.* Москва.
- Истрина, Е. С. (1923–1926). Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. *Известия Отделения русского языка и словесности. Том 24. Книга 2*, 1–172; *Том 26*, 207–239.
- Кузьмина, И. Б., & Немченко, Е. В. (1982). История причастий. В Р. И. Аванесов & В. В. Иванов (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол* (стр. 280–411). Москва.
- Лопатина, Л. Е. (1978). Второстепенное сказуемое. В В. И. Борковский (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Часть 1: Синтаксис. Простое предложение* (стр. 102–118). Москва.
- НПЛ: (2000). *Полное собрание русских летописей. Том III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва.¹⁵

¹⁵Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Электрон. ресурс). Доступ: <http://litopy.narod.ru/novglet/novg.htm>, свободный.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Электрон. ресурс). Доступ: <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/novg.htm>, свободный.

- Падучева, Е. В. (1996). *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Падучева, Е. В. (2001). *Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений*. Москва.
- Потебня, А. А. (1958). *Из записок по русской грамматике. Том 1–2*. Москва.
- Сабенина, А. М. (1978). Дательный самостоятельный. В В. И. Борковский (ред.), *Историческая грамматика русского языка. Часть 1: Синтаксис. Простое предложение* (стр. 417–432). Москва.
- Сахарова, А. В. (2005). Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия. *Русский язык в научном освещении*, 10(2), 250–266.
- Сахарова, А. В. (2007а). К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи. *Русский язык в научном освещении*, 13(1), 85–113.
- Сахарова, А. В. (2007б). Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов. *Вопросы языкознания*, 2, 108–126.
- Стеценко, А. Н. (1972). *Исторический синтаксис русского языка*. Москва.
- Corin, A. R. (1995). The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic. *Die Welt der Slaven*, 40, 251–284.
- Dry, H. (1981). Sentence aspect and the movement of the narrative time. *Text*, 1(3), 233–240.
- Dry, H. (1983). The movement of narrative time. *Journal of Literary Semantics*, 7(2), 19–53.
- Fleischman, S. (1985). Discourse function of tense-aspect oppositions in narrative: toward a theory of grounding. *Linguistics*, 23(6), 851–882.
- Givón, T. (1984). *Syntax: a functional typological introduction. Vol. 1*. Amsterdam.
- Hopper, P. J. (1979). Aspect and foregrounding in discourse. In T. Givón (Ed.), *Discourse and syntax* (Syntax and Semantics, 12) (pp. 213–241). New York.
- Lakoff, R. (1984). The pragmatics of subordination. *Proceedings of the X. annual meeting of the Berkeley Linguistic Society*, 481–549.
- Longacre, R. E. (1983). *The grammar of discourse*. New York.
- Matthiesen, C., & Thompson, S. A. (1988). The structure of discourse and 'subordination'. In J. Haiman & S. A. Thompson (Eds.), *Clause combining in grammar and discourse* (Typological Studies in Language, 18) (pp. 275–329). Amsterdam.
- Polanyi, L., & Hopper, P. J. (1981). A revision of the foreground-background distinction. Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. New York. <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx>. Accessed 24 November 2009.
- Reinhart, T. (1984). Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text. *Linguistics*, 22(6), 779–809.
- Růžička, R. (1963). *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen*. Berlin.
- Tomlin, R. S. (1985). Foreground-background information and the syntax of subordination: evidence from the English discourse. *Text*, 5(1/2), 85–122.
- Tomlin, R. S. (1986). The identification of the foreground-background information in on-line oral descriptive discourse. *Papers in Linguistics*, 19, 465–494.
- Tomlin, R. S. et al. (1997). Discourse semantics. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1* (pp. 63–111). London, New Delhi.
- Večerka, R. (1961). *Syntax aktivních participií v staroslověnině*. Praha.
- Worth, D. S. (1994). The dative absolute in the Primary Chronicle: some observations. *Harvard Ukrainian Studies*, 18(1/2), 29–46.